

М. КРАШЕНИННИКОВЪ

ВЛЮБЛЕННОСТЬ

И ЕЯ ЛЕЧЕНІЕ

ВЪ ДРЕВНОСТИ И ТЕПЕРЬ

ПСИХОПАТОЛОГИЧЕСКІЙ ЭТЮДЪ

Si quis amans, quod amare iuvat, feliciter ardet,
Gaudeat et vento naviget ille suo;
At si quis male fert indignae regna puellae,
Ne pereat, nostrae sentiat artis opem

OVID. *Remed. amoris*, 13—16.

ЮРЬЕВЪ.

Типографія К. Маттисена.

1899.

М. КРАШЕНИННИКОВЪ

ВЛЮБЛЕННОСТЬ

И ЕЯ ЛЕЧЕНИЕ

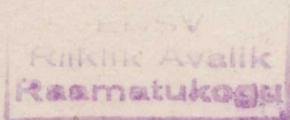
ВЪ ДРЕВНОСТИ И ТЕПЕРЬ

ПСИХОПАТОЛОГИЧЕСКІЙ ЭТЮДЪ

Si quis amans, quod amare iuvat, feliciter ardet,
Gaudeat et vento naviget ille suo;
At si quis male fert indignae regna puellae,
Ne pereat, nostrae sentiat artis opem!

OVID. *Remed. amoris*, 13—16.

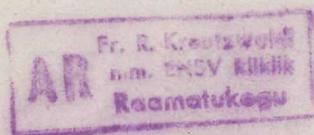

ЮРЬЕВЪ.

Типографія К. Маттисена.

1899.

69.210

Дозволено цензурою. — Юрьевъ, 14-го сентября 1899 г.

„Милостивый государь, заговорилъ онъ, — когда приближается зима съ холодами, дождемъ и снѣгомъ, вашъ врачъ напоминаетъ вамъ каждый день: „Держите ноги въ теплѣ, остерегайтесь простуды, насморка, бронхитовъ, плевритовъ“. И вы принимаете тысячи предосторожностей, носите фланель, теплое пальто, тяжелую обувь, что не мѣшаетъ вамъ провести мѣсяца два въ постели. А когда возвращается весна съ ея листьями и цвѣтами, съ ея теплымъ и разнѣживающимъ вѣтеркомъ, съ ея испареніями полей, вселяющими въ сердце смутную тревогу и безпричинную нѣжность, не находится никого, кто бы вамъ сказалъ: „Милостивый государь, берегитесь любви! Она кроется всюду, сторожить на всѣхъ углахъ. Съти ея разставлены коварно, оружіе отточено, всѣ ея вѣроломства наготовѣ! Берегитесь любви! Берегитесь любви! Она опаснѣе насморка, бронхита или плеврита! Она не щадитъ никого, заставляетъ всѣхъ совершать непоправимыя глупости“. Да, милостивый государь, я говорю серьезно, правительству слѣдовало бы распорядиться о расклейкѣ ежегодно на стѣнахъ большихъ афишъ съ извѣщеніемъ: „Возвращеніе весны. Граждане французы, остерегайтесь любви!“ — Знаете, какъ пишутъ на дверяхъ домовъ: „Берегитесь — выкрашено!“ Правительство этого не дѣлаетъ, вотъ я и замѣняю его и говорю вамъ: „Остерегайтесь любви! она готовится васъ ущемить“, и моя обязанность предупредить васъ, какъ въ Россіи предупреждаютъ прохожаго, когда носъ у него побѣлѣетъ отъ мороза“.

Гюи де Мопасанъ, „Весною“.

I.

Прежде всего попытаемся разъяснить вопросы, что такое влюбленность, чѣмъ она отличается отъ любви, и слѣдуетъ ли вообще смотрѣть на влюбленность какъ на болѣзнь и такъ или иначе лечить или лечиться отъ влюбленности.

Отвѣчая на первый вопросъ, мы опредѣляемъ влюбленность какъ острую мономанію воли,

(подъ стимуломъ половаго инстинкта) возникающую на почвѣ постепенно складывающейся привычки видѣться съ извѣстнымъ лицомъ и непременно соединенную съ чрезмерною идеализаціей послѣдняго.

Что влюбленность есть болѣзнь воли, это ясно видно уже изъ того несомнѣннаго и общеизвѣстнаго факта, что всякій влюбленный является именно безвольнымъ или почти безвольнымъ существомъ, жалкою игрушкой въ рукахъ предмета его страсти, жалкимъ рабомъ своего собственнаго односторонняго стремленія¹⁾.

Мономаническій характеръ влюбленности также не подлежитъ ни малѣйшему сомнѣнію. Всякій влюбленный болѣе или менѣе неудержимо стремится къ предмету своей страсти и, только находясь въ обществѣ съ возлюбленною, чувствуетъ себя до извѣстной степени довольнымъ и счастливымъ.

Когда у милой я сажу,
Тогда мой духъ орломъ парить,
Тогда я богачемъ гляжу, —
Мнѣ цѣлый міръ принадлежитъ.

Когда же нужно оставлять
Со вздохомъ милый уголокъ, —
Я унываю и опять,
Какъ прежде, нищенски убогъ²⁾.

1) Ср. мѣткое замѣчаніе де Флѣри: „l'habitude, ce n'est rien autre chose que la maladie de la volonté, atrophiée, paralysée, incapable de réagir“ (*Maurice de Fleury*, Introduction à la médecine de l'esprit, 4-me édition, Paris 1898, p. 347).

2) Гейне (переводъ Д. Минаева).

Воля идетъ и далѣе: она властно направляетъ и всѣ мысли влюбленнаго къ образу его возлюбленной.

День ли царить, тишина ли ночная,
Въ снахъ ли тревожныхъ, въ житейской борьбѣ,
Всюду со мной, мою жизнь наполняя,
Дума все та же, одна, роковая, —
Все о тебѣ! ¹⁾

Чрезмѣрная идеализація предмета страсти, несомнѣнно, является также интегральнымъ элементомъ влюбленности. Въ глазахъ влюбленнаго его возлюбленная — перлъ созданія во всѣхъ отношеніяхъ, его идеаль, его божество, предъ которымъ онъ и подвергается въ прахъ.

Наконецъ, половой инстинктъ мы не колеблемся признать однимъ изъ самыхъ мощныхъ факторовъ влюбленности. Въ справедливости этого положенія, которое впрочемъ стануть оспаривать развѣ только юныя дѣвушки, старыя сантиментальныя дѣвы да неисправимые идеалисты, насъ можетъ убѣдить хотя бы тотъ несомнѣнный фактъ, что (нормальный) бракъ является весьма надежною броней противъ стрѣлъ божка влюбленности.

Нельзя умолчать и о третьемъ немаловажномъ факторѣ влюбленности, а именно о личномъ обаяніи предмета страсти, но не слѣдуетъ упускать изъ виду, что болѣе или менѣе видную роль этотъ факторъ играетъ лишь въ первоначальной стадіи развитія влюблен-

---

1) Апухтинъ.

ности и отступает на задній планъ или даже совсѣмъ исчезаетъ въ послѣдующихъ ея стадіяхъ. Дѣло въ томъ, что, когда искра влюбленности разгорится въ бурное пламя, тогда реальная личность предмета страсти уже вытѣсняется изъ сердца влюбленного идеальнымъ образомъ возлюбленной, возникающимъ при благосклонномъ участіи воображенія, — идеаломъ, въ которомъ могутъ потонуть если не всѣ, то большинство конкретныхъ чертъ реального предмета страсти. Такимъ образомъ не въ мѣру услужливое воображеніе влюбленного, ускользя отъ контроля разсудка и узды воли, способно превратить иное, совершенно заурядное какъ въ физическомъ такъ и въ духовномъ отношеніи существо въ идеаль красоты и ума, и человѣкъ, ослѣпленный влюбленностью, начинаетъ повергаться въ прахъ уже не предъ реальною личностью этого дюжиннаго существа, но именно предъ его идеализованнымъ образомъ.

Остается замѣтить, что влюбленность (какъ и любовь) можетъ возникать на почвѣ разныхъ и другихъ чувствъ, какъ напр. состраданія, благодарности, соперничества и т. д., но всѣ эти факторы въ сравненіи съ вышеуказанными имѣютъ лишь второстепенное значеніе.

Тутъ не мѣшаетъ остановиться на раскрытіи, такъ сказать, психологическаго механизма влюбленности.

При нормальномъ состояніи духовныхъ силъ и способностей человѣка его дѣйствіями всесторонне руководить воля, въ большей или меньшей степени подчиняясь указаніямъ разсудка, рефлексіи, и властно

сдерживая порывы воображенія. Это нормальное равновѣсіе начинаетъ нарушаться по мѣрѣ того, какъ въ душу человѣка вкрадывается влюбленность: воля, сосредоточивая почти всю свою дѣятельность въ одномъ извѣстномъ направленіи, т. е. на стремленіи къ предмету зарождающейся страсти, съ одной стороны, начинаетъ уже все холоднѣе и безучастнѣе относиться къ совѣтамъ и предостереженіямъ разсудка, — съ другой, перестаетъ держать въ должномъ повиновеніи фантазію, воображеніе. И вотъ послѣднее, пользуясь постепеннымъ ослабленіемъ узды воли и безсиліемъ своего всегдашняго антагониста — разсудка, становится хозяиномъ положенія; оно возводитъ въ перль созданія предметъ страсти, воздвигаетъ для этого идеализованнаго образа высокій, иногда даже слишкомъ высокій пьедесталь и въ заключеніе заставляетъ свою недавнюю повелительницу, волю, преклоняться предъ собственнымъ созданіемъ.

Теперь перейдемъ къ выясненію различія между влюбленностью и любовью, на нашъ взглядъ, совершенно неправильно смѣшиваемыми другъ съ другомъ въ общежитіи.

1. Въ то время какъ влюбленный непремѣнно идеализуетъ предметъ своей страсти, возводя его на болѣе или менѣе высокій пьедесталь, человѣкъ любящій относится къ своей возлюбленной несравненно трезвѣе, будучи способенъ признавать въ ней и недостатки, которые онъ ей, конечно, охотно извиняетъ именно въ силу своей любви. Нельзя, правда, отрицать, что идеализація до извѣстной степени присуща

и чувству любви, но эта идеализация никогда не достигаетъ такихъ чудовищныхъ размѣровъ, какіе характеризуютъ влюбленность.

2. Въ сферѣ духовныхъ силъ и способностей человѣка любящаго перевѣсъ, несомнѣнно, остается за волей, руководимой разсудкомъ, а не за воображеніемъ, какъ у влюбленныхъ. Отсюда слѣдуетъ заключить, что любовь есть нормальное психическое явленіе, тогда какъ влюбленность несомнѣнно ненормальное или, иными словами, психопатологическое.

3. Въ силу отсутствія чрезмѣрной идеализаціи съ ея неизбѣжными пьедесталами любовь несравненно жизненнѣе и устойчивѣе влюбленности.

4. Влюбленность, по нашему убѣжденію, непремѣнно предполагаетъ единичность объекта: нельзя быть влюбленнымъ сразу въ двухъ; наоборотъ, любовь можетъ направляться и къ болѣе нежели одному объекту, — именно потому, что чувственный инстинктъ вовсе не играетъ въ сферѣ этого чувства такой первенствующей роли, какая принадлежитъ ему въ области влюбленности: несомнѣнно, что можно питать истинную и искреннюю любовь и къ двумъ или даже къ нѣсколькимъ лицамъ въ одно и то же время¹⁾, чего примѣры видимъ не въ романахъ только, но и въ дѣйствительной жизни.

5. Полное обладаніе предметомъ страсти, несо-

---

1) Для людей съ слишкомъ игривымъ воображеніемъ считаемъ долгомъ присовокупить, что такая любовь и половое общеніе вовсе не синонимы.

мнѣнно, является центральнымъ пунктомъ вождедѣній влюбленнаго, тогда какъ любящій человекъ можетъ и совершенно чуждаться такого вождедѣнія.

6. Наконецъ, фактическое осуществленіе подобной мечты является могилой влюбленности: полное обладаніе предметомъ страсти болѣе или менѣе быстро влечетъ за собою исчезновеніе влюбленности, причемъ послѣдняя или испаряется безслѣдно, смѣняясь полною индифферентностью къ недавнему идеалу, или уступаетъ мѣсто болѣе или менѣе сильному отвращенію къ бывшему предмету страсти, или же можетъ переродиться въ любовь. Во всѣхъ этихъ случаяхъ прежняя чрезмѣрная идеализація предмета страсти, естественно, исчезаетъ. — Совсѣмъ иное видимъ въ сферѣ любви: многочисленные примѣры счастливыхъ супружествъ краснорѣчиво свидѣтельствуютъ, что полное обладаніе предметомъ истинной любви лишь скрѣпляетъ и усиливаетъ взаимную духовную связь и тяготѣніе лицъ любящихъ другъ друга. Извѣстная сентенція: „бракъ — могила любви“, справедлива лишь постольку, поскольку подъ упоминаемой здѣсь любовью разумѣется (не отличающаяся отъ нея въ общежитіи) влюбленность.

На третій изъ поставленныхъ выше вопросовъ, — слѣдуетъ ли признавать влюбленность болѣзнью, — мы уже дали выше мотивированный отвѣтъ, отнесши это явленіе къ аномальнымъ, психопатологическимъ (стр. 8, 2).

Тутъ нельзя не отмѣтить весьма страннаго, на нашъ взглядъ, факта, что громадное большинство какъ совре-

менных такъ и прежнихъ психіатровъ или психопатологовъ упорно игнорируетъ влюбленность, хотя послѣдняя имѣетъ полное право на включеніе въ главу о маніяхъ, подлежащихъ вѣдѣнію психіатріи. Причина подобнаго игнорированія влюбленности для насъ до сихъ поръ остается неясною¹⁾.

Правильный взглядъ на влюбленность какъ на болѣзнь, — если оставить въ сторонѣ древнихъ авторовъ²⁾, такъ какъ они употребляютъ одинъ и тотъ же терминъ (*amor*, ἔρως) для обозначенія какъ любви такъ и влюбленности, — мы находимъ лишь у немногихъ ученыхъ. Изъ нихъ особенно ясно и рельефно изложилъ свое воззрѣніе Морисъ де Флѣри (р. 340 sqq.). Подчеркнувъ коренное различіе между „здоровою любовью“ (*l'amour sain*) и любовью „сантиментальною“ (*l'amour sentimental*), подъ которою онъ, очевидно, и разумѣетъ влюбленность, этотъ ученый признаетъ послѣднюю болѣзнию („*la maladie sentimentale, une maladie d'âme*“) и проводитъ весьма интересную и поучительную параллель между влюбленностью съ одной стороны и алкоголизмомъ, эйроманіей, морфинизмомъ и т. д. съ другой, — констатируя одну и ту же эволюцію и одинаковые результаты. „*Passion-*

1) *Ne bona charta pereat*, выбрасываемъ курьезное объясненіе этого факта, слышанное нами изъ устъ одного спеціалиста, которому, безспорно, принадлежитъ самое видное мѣсто среди ученыхъ всѣхъ временъ и всѣхъ народовъ какъ по вдохновенію, . . . съ какимъ онъ ставитъ знаки препинанія, такъ и по неимовѣрному количеству . . . опечатокъ, украшающихъ нѣкоторыя его творенія, несомнѣнно, безсмертныя въ этомъ отношеніи.

2) Ср. напр. Овидія *Remed. amor.* 81:

Opprime, dum nova sunt, subiti mala semina morbi.

nément ou platoniquement, говорить онъ (р. 345), — mais platoniquement surtout, soyez-en sûrs — l'état d'être amoureux, avec tout ce que ce mot-là comporte de lâcheté, d'aveuglement, de maladresse et de la mélancolie, c'est, à n'en pas douter, un empoisonnement de l'âme tout à fait comparable aux autres intoxications appelées volontaires. Ce poison-là n'appartient ni à la chimie minérale, ni à la chimie organique; il appartient à la psychologie, mais c'est un poison tout de même, se comportant comme un poison. Qu'il s'agisse de l'alcool, de l'éther, de l'opium, du tabac, du haschisch, de la morphine ou de la cocaïne, les effets, plus ou moins violents, sont identiques sur nos facultés. Qu'il s'agisse d'amour, de passion sentimentale, même évolution et mêmes résultats". Съ своей стороны мы замѣтимъ, что этимъ „психологическимъ ядомъ“ является не что иное какъ постепенно складывающаяся привычка видѣться съ предметомъ страсти, незамѣтно для влюбленнаго переходящая въ болѣзненную потребность ¹⁾).

Остановившись на признаніи влюбленности психическимъ недугомъ, приступимъ къ рѣшенію вопроса, слѣдуетъ ли или стоитъ ли ее лечить.

Быть можетъ, это — недугъ неизлечимый? . . . . Тогда, конечно, будутъ тщетны всѣ попытки лечить влюбленность.

Прислушаемся къ голосу влюбленнаго, который, по-видимому, констатируетъ неизлечимость своего недуга.

---

1) Тяжелыя формы влюбленности, быть можетъ, слѣдуетъ объяснять специфическою интоксикаціей организма продуктами половой дѣятельности, не находящими себѣ естественной эксплуатаціи.

Я ее побѣдилъ, роковую любовь,
Я убилъ ее, злую змѣю,
Что безъ жалости, жадно пила мою кровь,
Что измучила душу мою!
Я свободенъ, спокоенъ опять, —
Но не радостенъ этотъ покой. —
Если ночью начну я въ мечтахъ засыпать,
Ты сидишь, какъ бывало, со мной.
Мнѣ мерещутся снова они —
Эти жаркіе лѣтніе дни,
Эти долгія ночи безсонныя,
Безмятежныя моря струи,
Разговоры и ласки твои,
Тихимъ смѣхомъ твоимъ озаренныя.
А проснуса я: ночь какъ могила темна,
И подушка моя холодна,
И мнѣ некому сердца излить,
И напрасно молю я волшебнаго сна,
Чтобъ на мигъ мою жизнь позабыть.
Если жъ многіе дни безъ свиданья пройдутъ,
Я тоскую, не помня измѣнъ и обидъ;
Если пѣсню, что любишь ты, вдругъ запоютъ,
Если имя твое невзначай назовутъ, —
Мое сердце, какъ прежде, дрожить.
Укажи же мнѣ путь, назови мнѣ страну,
Гдѣ прошедшее я прокляну,
Гдѣ бы могъ не рыдать я съ безумной тоской
Въ одинокій полуночный часъ,
Гдѣ бы образъ твой, нѣкогда мнѣ дорогой,
Поблѣднѣлъ и погасъ!
Куда скрыться мнѣ? — Дай же отвѣтъ!!...
Но отвѣта не слышно, страны такой нѣтъ,
И, какъ перлы въ загадочной безднѣ морей,
Какъ на небѣ вечернемъ звѣзда,
Противъ воли моей, противъ воли твоей,
Ты со мною вездѣ и всегда! ¹⁾

---

1) Апухтинъ.

Не трудно однако понять, что эти изліянія несчастнаго влюбленнаго свидѣтельствуютъ лишь о томъ, что недугъ его еще длится, что его горделивыя слова:

Я ее побѣдилъ, роковую любовь,
Я убилъ ее, злую змѣю, —

идутъ въ разрѣзъ съ дѣйствительностью.

Что влюбленность дѣйствительно излечима — и не однимъ только всеизцѣляющимъ временемъ, это не подлежитъ никакому сомнѣнію. Любителямъ документальныхъ доказательствъ мы можемъ указать три достовѣрныхъ случая: одинъ относится къ Гипатіи, о которой будетъ рѣчь ниже, другой подробно описывается у де Флѣри (р. 354 sqq.), третій сообщается г. Виверомъ (псевдонимъ) въ „Петерб. Газетѣ“, № 215 за 1899 г.: „Я знаю одного юношу, который былъ влюбленъ въ итальянскую балерину и явился къ ней съ визитомъ . . . Увидя диву растрепанной, жарившей на кухнѣ картофель, онъ разочаровался моментально“¹⁾.

Но, быть можетъ, несмотря на излечимость влюбленности, отъ нея не слѣдуетъ лечиться потому, что она, какъ это иные думаютъ, въ самомъ дѣлѣ доставляетъ много радостей и наслажденій влюбленнымъ, являясь, такъ сказать, яркимъ и живительнымъ лучемъ въ сумеркахъ будничной житейской прозы?

Отвѣтъ на это дать не трудно. Нельзя, конечно, отрицать, что и влюбленность можетъ дать нѣсколько

---

1) Надо пояснить, что „для экономіи (эта) итальянка не любила прислуги и сама стряпала себѣ обѣдъ, сама ходила за провизіей“.

свѣтлыхъ и радостныхъ моментовъ, но врядъ ли ошибемся, утверждая, что всѣ такіе моменты исчезаютъ въ необъятной пучинѣ тѣхъ душевныхъ тревогъ и волненій, тѣхъ мукъ и униженій, какія суждено постоянно переживать влюбленнымъ. Вспомнимъ и о тяжелыхъ житейскихъ осложненіяхъ, какія нерѣдко возникаютъ, если влюбленность встрѣчаетъ на своемъ пути преграды, — о разбитыхъ сердцахъ и жизняхъ несчастныхъ влюбленныхъ, объ ихъ самоубійствахъ, о семейномъ разладѣ и тому подобныхъ житейскихъ драмахъ, примѣры которыхъ встрѣчаемъ такъ часто, и которыя могли бы быть предотвращены своевременнымъ и рациональнымъ леченіемъ влюбленности.

Можно съ увѣренностью сказать, что влюбленность имѣетъ только одну хорошую сторону: она научаетъ людей цѣнить свободу сердца и воли, — ту свободу, которой она лишаетъ насъ на все время своего владычества. По этому поводу кстати будетъ припомнить слова одного даровитаго и симпатичнаго писателя, сказанныя героемъ одной изъ его повѣстей по поводу своего выздоровленія отъ сумасшествія, но вполне приложимыя и къ выздоровленію отъ влюбленности: „Есть ли что на свѣтѣ пріятнѣе чувства выздоровленія? Вѣроятно, что либо подобное должна испытывать куколка гусеницы, становящаяся бабочкой: тяжкій грузъ всякихъ оболочекъ спадаетъ съ возрождающагося организма, и то, отъ чего куколка или больной не могли отдѣлаться ни во снѣ, ни на яву, ни въ чудовищныхъ скитаніяхъ мысли, руководимой бредомъ, спадаетъ, сыпается долой, какою то ше-

лухою, становящеюся совершенно чуждою вамъ. Вы взглянули! На дворъ опять весна, опять цвѣты, опять вѣянiя надежды, и вы не робкiй ползунъ, не безпомощный волосатикъ, вы способны воспринять весну во всю ширь и свободу вашего полета, вы можете двигаться ей навстрѣчу, тогда какъ въ бреду вы не имѣли никакой воли, не могли шевельнуться и, что еще хуже, вы сознавали это свое безсилiе.

„Но, во сколько разъ выше, лучше, несравненно лучше, отдѣлаться не отъ простой болѣзни, а отъ психическаго разстройства, признать себя опять полноправнымъ человѣкомъ и смѣнить свой сѣрый больничный халатъ на обычное людское платье. Я даже готовъ утверждать, что если бы быть увѣреннымъ въ выздоровленiи, то стоило бы временно сойти съ ума, только ради того, чтобы познать всю цѣну жизни, вернувшись къ ней изъ безумiя“¹⁾.

II.

Теперь приступимъ къ обзорѣнiю лекарствъ отъ влюбленности, завѣщанныхъ намъ классическою древностью. Матерьялы по этому вопросу сводятся къ коротенькой замѣткѣ Свида (s. v. *Ἰπατία*) о Гипатiи и къ небольшому, но содержательному дидактическому произведенiю Овидiя подъ загла-

---

1) К. К. Случевскiй, повѣсть „Голубой платокъ“.

віемъ „Remedia amoris“, т. е. „Лекарства отъ любви“.

Гипатія, дочь извѣстнаго александрійскаго математика Теона и жена какого то „философа“ Исидора, по своему уму и блестящимъ дарованіямъ является прототипомъ нашей знаменитой соотечественницы Софьи Ковалевской, съ которой имѣла нѣсколько и другихъ общихъ чертъ. Она написала нѣсколько математическихъ трактатовъ, читала въ Александріи публичные курсы эклектической философіи и въ цвѣтъ лѣтъ была растерзана буйною александрійскою чернью. Разцвѣтъ ея ученой и преподавательской дѣятельности относится ко времени императора Аркадія (395 — 408 г.).

Въ эту то замѣчательную женщину, кромѣ ума отличавшуюся и красотой, влюбился одинъ изъ ея (юныхъ) слушателей и, не будучи въ силахъ бороться со страстью, объяснился ей въ любви. Тогда Гипатія намѣренно обратила его вниманіе на присущія и ей нѣкоторыя несовершенства женскаго организма — и этимъ совершенно исцѣлила юношу отъ влюбленности.

Произведеніе Овидія мы не станемъ излагать въ его полномъ объемѣ, но ограничимся лишь краткимъ обзоромъ его содержанія, причемъ намѣренно выпустимъ все то, что или не относится къ нашей темѣ непосредственно, или же можетъ оскорбить нравственное чувство современнаго читателя (не изъ породы тартюфовъ однако).

Римскій поэтъ начинаетъ свои наставленія (vs. 81 sqq.) благимъ, но, къ сожалѣнію, не всегда выполняемымъ на практикѣ совѣтомъ подавлять страсть въ

самомъ ея зародышѣ. Если же искра влюбленности уже разгорѣлась въ яркое пламя, тогда благоразумнѣе нѣсколько времени переждать. Когда пройдетъ эта первая вспышка, тогда прежде всего надо избѣгать праздности, бездѣйствія, которое, какъ и вообще безалаберный образъ жизни, ослабляетъ тѣло и душу человѣка и дѣлаетъ его болѣе уязвимымъ стрѣлами коварнаго Амура. Чтобы спастись отъ этого недуга, слѣдуетъ погрузиться въ занятія — все равно чѣмъ — адвокатурой, военной службой, сельскимъ хозяйствомъ, охотой, рыболовствомъ.

Затѣмъ поэтъ усиленно рекомендуетъ влюбленному куда либо, и притомъ какъ можно дальше, бѣжать изъ города, гдѣ живетъ его возлюбленная, какъ ни тяжело ему будетъ переживать первые моменты послѣ разлуки.

Разныя секретныя снадобья, какъ и заговоры и вообще всякая ворожба, бесполезны, что доказывается примѣрами Медеи и Цирцеи.

Если влюбленному по какой либо важной причинѣ нельзя уѣхать изъ города, гдѣ живетъ предметъ его страсти, то лучше всего разомъ порвать всякую связь съ возлюбленной, мужественно заглушая острую сердечную боль. Если же кому такой подвигъ не по силамъ, тотъ долженъ почаще вспоминать, сколько разъ и сколько зла и мученій причинила ему возлюбленная. „Сколько подарковъ она получила отъ меня, и все ей мало! Алчная, она совсѣмъ разорила меня! Такъ мнѣ клялась въ вѣрности и такъ безсовѣстно измѣняла! Сколько разъ лишала меня свиданій!

Предпочитая мнѣ другихъ, она презираетъ мою любовь!“. . . .

Случилось мнѣ недавно самому, продолжаетъ поэтъ, влюбиться въ одну дѣвушку, которая равнодушно отнеслась къ моей страсти, и вотъ какимъ образомъ принялся я лечиться отъ этого недуга: „какъ безобразенъ станъ моей возлюбленной!“ повторялъ я себѣ, хотя сознавалъ, что говорю неправду; „какъ некрасивы у ней руки! какая она коротышка!“ — и это средство не разъ приносило мнѣ пользу.

И вообще надо все въ возлюбленной порицать, не останавливаясь даже предъ завѣдомой ложью: если у ней роскошныя формы тѣла, говори себѣ, что она толстуха; если она смугла, называй ее чернушкой; если худоцава, повторяй себѣ: „это — кожа да кости!“

Затѣмъ, если замѣтишь у ней какіе либо недостатки, то всячески старайся выставлять ихъ на видъ: проси спѣть возлюбленную, если знаешь, что у ней нѣтъ голоса; если она неуклюжа, проси исполнить какой нибудь танецъ; если у ней бюстъ некрасивъ, постарайся увидѣть ее декольтированную; если скверные зубы, разсмѣши ее чѣмъ нибудь и смотри, какъ безобразна она, когда смѣется.

Полезно тоже неожиданно придти къ возлюбленной пораньше утромъ и застать ее ненаряженной и неприкрашенной.

Передъ свиданіемъ съ возлюбленной поэтъ находитъ не бесполезными объятія какой либо другой женщины.

Необходимо избѣгать уединенія: посѣщай общество,

найди себѣ вѣрнаго друга, — но только не ходи туда, гдѣ можешь встрѣтить счастливую парочку: любовь заразительна!

Касаясь въ заключеніе вопроса о пищѣ, поэтъ совѣтуетъ избѣгать всего, что дѣйствуетъ на организмъ возбуждающимъ образомъ, и, наоборотъ, рекомендуетъ принимать руту и другія средства, ослабляющія чувственность. Вина слѣдуетъ или вовсе не пить, или же, если пить, такъ пить допьяна.

Таковы лекарства отъ влюбленности, завѣщанныя намъ античнымъ міромъ. Бѣольшая часть изъ рекомендованныхъ Овидіемъ оказывается, какъ сейчасъ убѣдимся, вполне примѣнимыми и въ настоящее время; что же касается остальныхъ овидіевскихъ же, то не слѣдуетъ упускать изъ виду, что вообще этотъ поэтъ вѣтаетъ не въ сферѣ такъ называемыхъ порядочныхъ женщинъ, но болѣе или менѣе общедоступныхъ puellae, жриць Венеры.

III.

Теперь намъ остается начертать примѣрный планъ методическаго леченія влюбленности примѣнительно къ условіямъ современной жизни.

Выше установленное нами опредѣленіе влюбленности въ связи съ указаніемъ ея главнѣйшихъ факторовъ намѣчаетъ намъ и основные стратегическіе пункты въ борьбѣ съ этимъ недугомъ.

Прежде всего слѣдуетъ энергически бороться съ стремленіемъ видѣться съ предметомъ страсти. „Loin des yeux, loin du coeur“, — эта пословица не всегда справедливая по отношенію къ любви безусловно справедлива по отношенію къ влюбленности. Нельзя однако не замѣтить, что это основное и болѣе всѣхъ прочихъ дѣйствительное средство далеко не всѣмъ одинаково доступно, именно потому, что для примѣненія его требуется недюжинная сила воли, чего именно у влюбленныхъ обыкновенно и не бываетъ.

Всего лучше разомъ порвать всякую связь съ предметомъ страсти. Если есть возможность покинуть на время или навсегда тотъ городъ, гдѣ живетъ возлюбленная или возлюбленный, то слѣдуетъ какъ можно скорѣе воспользоваться этою возможностью, какъ бы ни были тяжки и мучительны первые моменты послѣ столь крутой разлуки. Крутой разрывъ неминуемо обрекаетъ влюбленныхъ на жестокія сердечныя муки, и потому необходимо собрать все свое мужество, всю энергію, все самолюбіе и гордость, чтобы съ честью выдержать эти первые натиски лютаго врага, уже успѣвшаго заполнить волю влюбленнаго. Не слѣдуетъ впрочемъ забывать, что этотъ врагъ особенно свирѣпъ и опасенъ именно въ моменты первыхъ нападеній: стоитъ ихъ выдержать, и тогда ваша побѣда почти обезпечена. „Labor est unus temporis prima pati“, совершенно справедливо замѣтилъ Овидій (Rem. amoris, 234). При недостаткѣ энергіи воли незамѣнимымъ союзникомъ въ такихъ

случаяхъ является самолюбіе, обыкновенно развивающееся у влюбленныхъ до болѣзненности.

Съ чисто теоретической точки зрѣнія казалось бы болѣе рачіональнымъ рекомендовать влюбленнымъ, такъ сказать, постепенный разрывъ съ предметомъ страсти, постепенно отвыкать отъ общенія съ послѣднимъ, — подобно тому какъ напр. морфинистовъ лечатъ посредствомъ постепеннаго уменьшенія дозъ морфія, — но нельзя не видѣть, что такая постепенность разрыва мыслима лишь при условіи либо посторонняго (насильственнаго) вмѣшательства, либо исключительной энергіи воли, тогда какъ именно послѣдняя и оказывается болѣзненно ослабленною у влюбленныхъ. На дѣлѣ бываетъ гораздо легче разомъ порвать цѣпи этого недуга, воспользовавшись однимъ изъ свѣтлыхъ промежутковъ, когда разсудокъ такъ или иначе въ силахъ направить волю на правильный путь.

Если нѣтъ возможности бѣжать изъ города, гдѣ живетъ предметъ страсти, то надо всячески избѣгать случаевъ съ нимъ видѣться. Надо воздерживаться отъ посѣщеній возлюбленной и бѣжать тѣхъ мѣстъ, гдѣ рискуешь ее встрѣтить. Увидѣвши ее издали на улицѣ, переходи на другую сторону или бѣги прочь, памятуя изреченіе Велисарія: *φεύγειν γὰρ δὴ πού τὸν κακοῦργουῦντα οὐδὲμία αἰσχύνῃ*, т. е. „бѣжать отъ злодѣя во все не стыдно“ (Просор. De bellis VI, 23); если же такой путь къ отступленію отрѣзанъ, то старайся лишить себя удовольствія провожать возлюбленную, какъ бы ни тяжело было тебѣ отказаться отъ этого. Въ иныхъ случаяхъ не слѣдуетъ отступать даже предъ

открытою ссорой съ возлюбленной напр. на почвѣ мелочныхъ уколовъ женскаго самолюбія.

Далѣе слѣдуетъ избѣгать уединенія и бездѣйствія. Полезно посѣщать общество, театры, балы, заниматься спортомъ въ различныхъ его видахъ и формахъ, читать серьезныя книги, погрузиться въ научныя изслѣдованія и т. д.¹⁾

„Въ часы одинокіе ночи“ или невольнаго досуга, когда всего охотнѣе подкрадывается къ влюбленнымъ ихъ недремлющій врагъ, когда сердцемъ опять начинаетъ овладѣвать страстное желаніе хоть глазкомъ посмотрѣть на возлюбленную, не бесполезно принимать и лекарства, успокоительно дѣйствующія на нервы.

Весьма желательно наконецъ было бы попытаться лечить влюбленность гипнотизмомъ: намъ думается, что при рациональной постановкѣ такихъ опытовъ они должны увѣнчаться успѣхомъ уже въ виду того факта, что воля влюбленныхъ бываетъ ослаблена²⁾.

1) Если же воля влюбленнаго оказывается настолько ослабленною, что приниматься за какой либо серьезный трудъ ему еще не подъ силу, то ничто не мѣшаетъ ему посвящать свои досуги какой либо механической или полумеханической работѣ въ родѣ напр. набивки папирозъ, исправленія корректуръ, изготовленія „диссертаций“ на „грамматическія“, некрологическія и т. п. темы, — достаточно характеризующія убожество такихъ „диссертантовъ“.

2) Наша мысль о примѣненіи гипнотизма къ борьбѣ съ влюбленностью оказывается предвосхищеною однимъ заграничнымъ врачомъ: „въ Вѣнѣ въ настоящее время появился врачъ г. Фейеръ, который вылѣчиваетъ страстную любовь къ недостойнымъ этой любви лицамъ. Онъ считаетъ ее за психическую болѣзнь въ родѣ морфинomanіи и устраиваетъ для подобныхъ больныхъ такія же спеціальныя лечебницы, какія имѣются для морфинomanовъ. Система доктора очень проста. Онъ методически увеличиваетъ промежутки между лицезрѣніями любимой особы и наконецъ низводитъ посѣщенія до нуля. Больной, конечно, сначала возмущается, какъ и морфино-

Параллельно съ вышеуказаннымъ основнымъ средствомъ полезно примѣнять и второе, которымъ является постепенное развѣнчаніе идеала, созданнаго фантазіей влюбленнаго. Въ противоположность первому это средство всѣмъ одинаково доступно, но, будучи примѣняемо не въ связи съ первымъ, не отличается особою дѣйствительностью.

Достигнуть желаемаго развѣнчанія идеала, созданнаго услужливымъ воображеніемъ, влюбленный можетъ посредствомъ намѣреннаго умаленія дѣйствительныхъ достоинствъ своей возлюбленной въ связи съ намѣреннымъ же преувеличеніемъ всякихъ ея недостатковъ, — иными словами, путемъ пристрастной и придирчивой критики всѣхъ вообще ея свойствъ и поступковъ. Какимъ именно образомъ надо производить это въ отдѣльныхъ случаяхъ, пусть всякому подскажетъ его собственное соображеніе, вкусъ или тактъ; съ своей стороны, мы рекомендовали бы только развѣнчивать такіе идеалы про себя, а не на людяхъ.

Кромѣ вышеприведенныхъ выдержекъ изъ Овидія характерной иллюстраціей изъ области литературы можетъ служить слѣдующее мѣсто того же мопсановскаго разсказа, откуда взятьъ нами и эпиграфъ: „я помѣстился у ея ногъ и схватилъ ее за обѣ руки, за эти маленькія ручки, исколотыя иголкой; и это разстрогало меня. Я говорилъ себѣ: „вотъ они, святыя

манъ, которому не даютъ морфія, но правильная жизнь и гипнотическія внушенія излѣчиваютъ больного и даютъ ему возможность справиться съ болѣзнью воли“ (Петерб. Газета, 7 іюня 1899 г., № 154). — Только не утка ли это?

знаки труда! О сударь! знаете ли вы, что означаютъ эти святыя знаки труда? Они означаютъ всѣ сплетни мастерской, эти гадкія перешептыванія, умъ, загрязненный всякими мерзкими розсказнями, потерянное цѣломудріе, всю пошлость болтовни, всю низость ежедневныхъ привычекъ, всю узкость помысловъ, присущихъ вульгарной женщинѣ, воцарившихся въ той, которая носитъ на концѣ пальцевъ эти святыя знаки труда“.

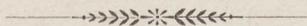
Остается замѣтить, что къ сферѣ этого же втораго средства можно отнести и чтеніе нѣкоторыхъ медицинскихъ сочиненій.

Наконецъ, третьимъ средствомъ противъ влюбленности служить борьба съ чувственнымъ инстинктомъ. Это средство, несомнѣнно, является весьма дѣйствительнымъ — именно въ виду вышеотмѣченнаго факта, что половой инстинктъ принадлежитъ къ основнымъ, хотя и не всегда и не всѣми признаваемымъ или признаваемымъ факторамъ влюбленности. Не слѣдуетъ однако забывать, что это средство далеко не всегда примѣнимо на практикѣ и вообще можетъ быть рекомендовано лишь какъ *ultimum remedium* — въ тяжелыхъ формахъ разсматриваемаго недуга, когда влюбленный уже начинаетъ помышлять о самоубійствѣ, какъ единственной возможности прекратить его тяжкія сердечныя муки.

Не вдаваясь въ детали этого щекотливаго вопроса, мы позволимъ себѣ остановить вниманіе читателя лишь на одномъ пунктѣ.

Суровый, но, къ сожалѣнію, далеко не всѣми (даже изъ самозванныхъ его поборниковъ)

свято соблюдаемый кодекс нравственности современнаго общества совершенно справедливо признаеть лишь одинъ путь, ведущій къ полному обладанію предметомъ страсти, а именно — законный бракъ. Въ виду этого мы посовѣтовали бы влюбленнымъ не особенно спѣшить возлагать на себя узы Гименея, но лучше пробыть лишній годъ или два женихомъ (или невѣстой), чтобы тѣмъ лучше ознакомиться за это время съ реальною личностью предмета страсти, на который они привыкли смотрѣть сквозь розовые очки влюбленности. Такое ознакомленіе предохранить ихъ отъ болѣе или менѣе тяжелаго и горькаго разочарованія, которое является неизбѣжнымъ слѣдствіемъ почти всѣхъ слишкомъ скороспѣлыхъ браковъ, и въ то же время, несомнѣнно, послужить вѣрнымъ залогомъ истиннаго и прочнаго супружескаго счастья.

Въ заключеніе не можемъ не отмѣтить одного факта, являющагося характерною иллюстраціей высокой нравственности и культурности той части мѣстной „интеллигенціи“, которая привыкла систематически руководиться почтеннымъ принципомъ: „въ чужомъ глазу сучокъ мы видимъ, въ своемъ не видимъ и бревна“.

По поводу прочтенія мною настоящаго этюда въ Учено-Литературномъ Обществѣ при Императорскомъ Юрьевскомъ Университетѣ (14 мая текущаго года) какая то жалкая кучка мѣстныхъ обывателей сочла своимъ (повидимому, нравственнымъ) долгомъ поднять гвалтъ. Этотъ гвалтъ между прочимъ успѣлъ вдохновить весьма нечистоплотную музу какого то анонимаго пасквилянта, но былъ съ презрѣніемъ игнорированъ

лучшею частью мѣстнаго общества и такимъ образомъ оказался (не знаемъ только, къ особенному ли удовольствію сочленовъ жалкой кучки) просто бурей въ стаканѣ (очень мутной и грязной) воды. Этого впрочемъ и слѣдовало ожидать уже потому, что $\frac{9}{10}$ означенныхъ обывателей сами въ засѣданіи Общества не были и, очевидно, получили свѣдѣнія о содержаніи моего этюда лишь изъ крайне мутныхъ и въ высшей степени недостовѣрныхъ и недобросовѣстныхъ источниковъ. Надо полагать впрочемъ, что сочлены жалкой кучки имѣли свои причины мало интересоваться вопросомъ о качествахъ этихъ источниковъ . . . . .

Ar 899

Крашенинников